

— НЕМНОГИЕ люди на свете, даже имея для этого основания, скажут о себе: «Ах, какой я ужасный человек!» А если и скажут, то это будет неискренне.

Иннокентий Михайлович замолчал, прошелся по комнате. Воспользовавшись паузой, введем читателя в суть дела.

Несколько лет назад режиссер А. Зархи начал работу над фильмом «Анна Каренина» по роману Л. Толстого. Роль Каренина должен был исполнять Иннокентий Смоктуновский. В те дни в газете «Известия» появилась его статья, в которой артист давал свою трактовку образа Каренина.

Не холодный и бездушный чиновник, а растерянный, страдающий человек, чья доброта и человечность придушены той самой безжалостной бюрократической машиной старой России, которая раздавила Анну. Таким рисовался Каренин будущему исполнителю его роли.

Гусева («Девять дней одного года»). Он идет один, молча, но его походка говорит больше, чем слова. Мы видим человека взволнованного и счастливого чужой радостью, который привил, однако, чувствовать и жить по-своему, отдельно от других, и его невозможно уложить ни в какие стандарты.

А вот Моисей Моисеевич («Степь») деликатно удаляется из комнаты, в которой постольпы пересчитывают деньги. Он поднимается по лестнице так, словно его не держат ноги. Но ему необходимо поскорее исчезнуть, растеряться, словно он и не видел этой кучи денег и ни о чем подобном не мечтает, упаси бог, и не завидует, потому что давно усвоил суровую заповедь: каждому — свое...

И все же есть у героев Смоктуновского общее — незаданность, неоднозначность. В них необычайно привлекает «обаяние сложного», как метко определил природу актерской сущности Смоктуновского, один из критиков. Они бесконечно узнаваемы и современны, будь то молодой советский физик Куликов или изнемогающий в трагических уси-

тору. Мало отдано дани чеховским образам, емким эмоциональным характерам. В таком решении мой Иванов если не проигран, то я не выигран.

Мне думается — это уже относительно к спектаклю «Иванов» — что индивидуальность состоит не в том, чтобы в Пушкине, Гоголе, Шекспире раскрыть себя, а чтобы через свою индивидуальность раскрыть Пушкина, Гоголя, Шекспира.

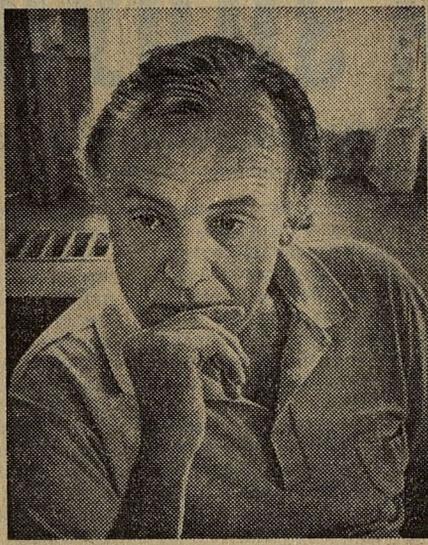
— Расскажите о Ваших новых работах.

— Недавно закончились съемки болгарского фильма «Барьер» по одноименному роману Павла Вежинова, где я играю Манева. На «Мосфильме» режиссер М. Швейцер ставит трехсерийный фильм «Маленькие трагедии» по Пушкину. Я играю барона в «Скупом рыцаре» и Сальери в «Моцарте и Сальери» — увы, Моцарт уже слишком молод для меня. Хотя... я бы мог, пожалуй, еще

ЗНАКОМСТВА И ВСТРЕЧИ

НАРОДНЫЙ АРТИСТ СССР
ИННОКЕНТИЙ СМОКТУНОВСКИЙ:

«ПОДНЯТЬ НЕИЗВЕСТНЫЙ П Л А С Т ЖИЗНИ...»

Получилось так, что в фильме играл другой актер. Но прекрасная статья Смоктуновского помогла тоньше и проникновеннее понять героев Толстого.

— ...Когда на сцене МХАТа впервые поставили «Анну Каренину», еще слишком живы были воспоминания о прошлом. И зло на ушедший ненавистный класс господ легче всего было сорвать в спектакле на представителе старой бюрократической машины, каким являлся Каренин. Положение спасала прекрасная игра Николая Хмелева: его Каренин был сложной личностью. Но в целом получалось так: вот холодный, бессердечный Каренин, а вот — добрая, хорошая, честная правдоподобница Анна.

— Однако!

— Надо просто внимательнее вчитаться в роман. Каренин скучен и прозаичен, казенная служба засушила его, в нем нет жизни. Пусть так. Но не он же изменил, не он ушел из дому, оставив сына, не он подмечал неприятные привычки в близком человеке и вытаскивал их на свет божий!

Мне хотелось показать характер человека, который сумел остаться им в самой жестокой ситуации, отвергнутый, презираемый всеми, «постыдно и отвратительно несчастный». Его прощение, забота о чужом ребенке, стремление сохранить семью и не позорить детей, — разве не говорит это о доброте и человечности?

— Вы в каждом своем герое ищите доброе начало?

— Вы затронули огромную тему, которая постоянно поднималась в русской литературе: идея добра как главная идея жизни. Пьер Безухов, князь Мышкин, барон Тузенбах в «Трех сестрах» Чехова... А Пушкин? У него даже некоторые отрицательные персонажи несут прекрасную тему доброты.

Я думаю, что черты добрые надо искать в любом, даже самом непривлекательном герое. Сальери, Яго, Смердяков, король Клавдий в «Гамлете». Для меня важно искать в каждом из них доброе потому, что только так можно понять, что ими движет. Иначе получится, что ребенок в утробе матери уже подлец.

— Доброта — Ваша главная тема?

— Главная тема — Человек, во всей своей сложности.

...Баловень судьбы, избранный современной наукой, блистательный, независимый, насмешливый и душевно деликатный Илья Куликов («Девять дней одного года»)...

...Наивный, робкий, необычайно трогательный в своем стремлении покончить со стяжательством Деточкин («Берегись автомобиля»)...

...Хитрый, рационалист до мозга костей уминая Порфирий Петрович («Преступление и наказание»)...

...Молодой, ироничный и мудрый Гамлет («Гамлет»)...

...Предупредительный, улыбочивый паразит Пал Палыч, для которого бескорыстие и чуждость к чужой душе — лишь способ вымогать («Ночной гость»)...

Так непохожи, такие разные эти герои Смоктуновского. Его способность к перевоплощению поразительна. Вспомните его знаменитые проходы. Как он завершает ликующее шествие физиков, празднующих успех

лих примирить добро со злом царь Федор («Царь Федор Иванович»). И этим, наверное, объясняется огромное нравственное воздействие героев Смоктуновского на зрителя.

— Иннокентий Михайлович, Вы верите, что в наш «страшно» научный и рационалистический век театр по-прежнему способен «глаголом жечь сердца людей»? Что он не утратил в чем-то своего высокого значения?

— А Вы считаете — утратил? В таком случае попробуйте достать билеты на спектакли МХАТа в Киеве.

— Да, но всех ли привлекает в театре театр? Одному просто нужно убить вечер, а другой пошел себя показать.

— Очень хорошо. Пусть он пошел себя показать. Но ведь пошел! А там — забыл обо всем: и о себе тоже, и еще, чего доброго, заперезживал. Значит, театр его победил!

А что современный театр не всегда оправдывает наши ожидания, конечно, верно. Туда пошло много людей, чей профессиональный уровень не отвечает требованиям больших ритмов и большой информации современной жизни. Главное же — нет хорошей драматургии, отражающей суть нашего времени.

— Чего Вы ждете от современной драматургии?

— Правды. Только правды. Без всяких сглаживаний и упрощений. Мы в жизни гораздо сложнее, чем нас показывают в пьесах, и именно это мне хочется играть.

— Скажите, какие образы, созданные Вами в кино и театре, наиболее отвечают этому требованию?

— Деточкин, герой фильма «Дочки-матери», дядя Ваня, «Гений» («Живой труп») и так далее.

— Вы довольны постановкой «Иванова» во МХАТе?

— Я недоволен, прежде всего, собой. Мне хотелось найти какой-то очень занятный характер. Этот милый славный человек находится в страшном конфликте с самим собой и со всем миром, ему нет покоя и нет спасения. Но как это показать на сцене, представляющей огромный ангар, без второго плана, без бытовой среды? Иванов все время бродит, словно в безвоздушном пространстве. А если бы он сел вот так и думал свою горькую думу, — артист подвигает стул ближе к столу, берет стакан и начинает помешивать ложечкой воображаемый кофе. Он сидит неудобно, неловко, подперев рукой щеку, а в глазах, обращенных куда-то в пустоту, такая усталость, такое страдание, что по коже бегут мурашки.

— ...Тогда зрители стали бы более правомочными свидетелями того, что происходит. Мне кажется, что в этом спектакле режиссерский глаз должен был быть более пристальным к ав-

сыграть и Моцарта и Сальери — один. Необыкновенно увлекательно было бы проследить спор таланта глубокого, осмысленного (Сальери) с даром, гением, богом. Моцарт — бог, он может все.

На телевидении снимается «Цезарь и Клеопатра» по пьесе Бернарда Шоу. Я играю Цезаря. Это был замечательный человек. Жестокий в бою и мягкий в жизни. Всегда прощала своим врагам, отпускал пленных. В пьесе Цезарю 54 года, и Клеопатра — единственная любовь в его жизни. Бернард Шоу, этот парадоксальный ум, показал, что самые великие завоевания ничего не стоят в сравнении с обычной влюбленностью в прекрасную женщину. Пьеса утверждает, что человек рожден не убивать, завоевывать и входить в чужой монастырь со своим уставом, а любить и быть счастливым.

В августе выйдет моя книга «Время добрых надежд», в которой собраны статьи о Пушкине, Ромме, о Чили, о детях. Недавно закончил работу над «Капитанской дочкой» Пушкина для радио.

— А о чем Вы мечтаете?

— В мои годы остается лишь утешаться надеждой, что мечты еще появятся.

— Зачем же так грустно?

— Нет, я не считаю себя старым. Напротив — пришла, мне кажется, пора творческой зрелости. Знаете, что это такое? Это пора свершений, Болдинская осень, когда за одну ночь пишутся произведения, которые переживут века...

Да, так о чем я мечтаю? Хочу вырастить хороших, достойных детей — у меня сын и дочь. А в искусстве — набрести на глубокого, тонкого, со своим мировоззрением режиссера, интересного, емкого человека. Мне везло на хороших режиссеров, но хотелось бы встретить такого, чьи запросы были бы больше моих, кто поведал бы пласт жизни, неизвестный мне.

— Какие впечатления Вы увозите из Киева?

— Я приезжаю сюда не впервые. И всегда испытываю очень теплое чувство к этому уютному, нежному, домашнему городу, его гостеприимным жителям. Когда из окна 18-го этажа гостиницы «Киев» я смотрю на удивительную панораму древнего и вечно юного города, то думаю о тех, кто на протяжении долгих веков пытался завоевать эту землю, победить ее людей. Какая чудовищная глупость! Никто и никогда не может нас победить. Мы всегда были и останемся такими, какие мы есть.

Беседу вел
В. КОРСУНСКАЯ.
Фото А. Терещенко.